

— Взять без спроса — это воровство, — опустив глаза, сказал Цюй Лянь. — Кольцо заповедей не позволяет лгать, а Небесный Владыка — величайший обманщик в мире. Как это может быть допустимо?

Ло Ин хотел задать вопрос, но Цюй Лянь опередил его, протянув ему чашку чая:

— Например, у меня есть чашка чая, в которую я добавил лекарство. Я считаю, что оно полезно для тебя, но знаю, что, если я скажу об этом, ты, возможно, не примешь его. Поэтому я не говорю тебе и заставляю или обманом заставляю тебя выпить его. Это морально?

Ло Ин задумался:

— Это зависит от того... действительно ли это полезно для меня.

Цюй Лянь серьезно приблизился к нему, его глаза горели:

— Даже если эта чашка чая полезна для тебя, что насчет следующей? И следующей после нее? Я всего лишь человек, я не могу всегда быть прав. Даже если у меня нет злых намерений, и я хочу дать тебе все самое лучшее в мире, это не всегда будет полезно для тебя.

Основная проблема в том, что Небесный Владыка — тоже всего лишь человек. Он не бог, он из плоти и крови. Он не поддерживает огромный Дворец Облачных Небес в одиночку, его поддерживают все его последователи, возвысившие его до статуса Небесного Владыки.

Будучи человеком, он неизбежно будет совершать ошибки.

— Кольцо заповедей, служба после смерти — здесь две ошибки, — Цюй Лянь поднял два пальца. — Первая — не следовало скрывать; вторая — не следовало принуждать.

Небесный Владыка — человек, и практикующие — тоже люди.

Практикующие имеют право знать, куда уходит их духовная сила, как работает Кольцо заповедей, что происходит после смерти. И они имеют право отказаться от этих правил. Они люди, а не скот.

[Сорок седьмой]

С наступлением осени дни становились короче, утренний свет, как тонкий туман, проникал в комнату, поднимался по оконным рамам и рассыпался по холодному полу.

Хань Сянлян, будучи старше, всегда спал мало и проснулся первым. Он тихо сел, оглядывая троих спящих юношей, чьи позы были самыми разными. Цзян Лань, красивый молодой человек, лежал на спине, словно деревянный брус, а двое других сцепились в объятиях, как будто не могли разлучиться.

Он вытянул шею, чтобы рассмотреть того, к кому благоволила его дочь. Лицо Ло Ина было наполовину погружено в темноту, его брови слегка нахмурены, и даже во сне он выглядел гордым и властным, словно идеальный жених. Если бы только... если бы он не обнимал человека в своих объятиях так крепко.

Хань Сянлян погладил бороду, чувствуя странное ощущение, но не мог понять, что именно его беспокоило.

Когда он вышел за дверь, Цюй Лянь пошевелился и тоже проснулся. Его движение разбудило

Ло Ина, который, не выспавшись, был не в духе. Его брови сдвинулись еще сильнее, и он сердито открыл глаза, постепенно проясняя зрение и видя пару блестящих глаз, которые смотрели на него с улыбкой.

Цюй Лянь всегда делал то, что хотел, не обращая внимания на окружающих. Он поднял руку, чтобы коснуться лица Ло Ина, наблюдая, как тот, еще не совсем проснувшись, надул губы, и это выглядело скорее глупо, чем угрожающе.

Взгляд Ло Ина постепенно смягчился, и он смотрел на Цюй Ляня с серьезностью.

При первой встрече впечатление было ужасным: он считал его бедным и глупым деревенщиной. Потом его невольно привлек Цюй Лянь, но он продолжал считать его пустышкой, красивой оболочкой без содержания. Однако в какой-то момент каждый день он стал видеть в Цюй Ляне что-то новое, каждый день он смотрел на него, как в первый раз.

Цюй Лянь лениво приблизился к нему и шепнул на ухо горячие слова:

— Ты такой твердый...

Как будто огонь обжег его ухо, жар распространился по шее, лицу и опустился ниже. Ло Ин сжал зубы, глядя на эти невинные глаза, и уцепил его за бок, словно большая собака, которую поцарапала кошка, и только смог предупредить:

— Не шали.

За ширмой послышались шумы, видимо, девушки проснулись. Затем раздался крик, и трое мужчин вскочили, но изнутри послышался голос Фан Сяовань:

— Все в порядке, не входите.

Хань Сяолян в замешательстве прикрыла рот рукой, а Фан Сяовань поправила съехавшую маску и, не обращая внимания на приличия, вышла с красным лицом.

Проснувшийся дом Хань постепенно оживал, слуги приносили горячую воду, полотенца и завтрак. Они вернулись в свои комнаты, чтобы умыться, и Цюй Лянь переоделся в чистую одежду. Выйдя, он столкнулся с Ло Инем, одетым в черный костюм с золотыми нитями из Обители Застывших Вод. Ло Ин не отрывал от него глаз, сожалея.

Лу Ли, как заботливая нянька, всегда был внимателен к деталям, и на этот раз он не забыл подготовить чистую одежду для Цюй Ляня. А если бы не подготовил... он мог бы одолжить свою.

Четверых разместили в небольшом дворике, и они решили позавтракать вместе, сидя под деревом гинкго и ведя беседу за чаем.

Цзян Лань спросил:

— Что случилось с мисс Хань? Она так напугалась утром, что я чуть не подпрыгнул.

Фан Сяовань выглядела неважно, с трудом проглотив кусок булочки, и указала на свое лицо:

— Маска съехала, и она испугалась.

Это было сложно прокомментировать. Молчать было неловко, но и сказать что-то было трудно.

Цзян Лань помедлил, а затем внезапно протянул руку к ней.

— Что ты делаешь?! — Фан Сяовань вздрогнула и резко ударила его по руке.

Звук был громким, и рука Цзян Ланя опухла. Фан Сяовань, словно кошка, наступившая на хвост, покраснела еще сильнее, и в ее глазах появились слезы.

— Кажется, тебя это сильно беспокоит. Может, покажешь нам? Возможно, мы не испугаемся, — сказал Цзян Лань мягко, хотя его лицо оставалось каменным, и это не особо успокаивало.

— «Возможно» не испугаемся? А вдруг мы будем так напуганы, что убежим?

— Это травма? — тихо спросил Цюй Лянь. — Тебе все еще больно?

Фан Сяовань не могла быть резкой с ним, она опустила голову, разрывая булочку на полоски:

— В детстве неосторожно упала в жаровню.

Цзян Лань и Цюй Лянь ахнули.

Цюй Лянь, словно почувствовав ее боль, помахал рукой:

— Все еще болит? Глаза не пострадали?

— Глаза в порядке, — Фан Сяовань, почему-то, несмотря на все насмешки и холодные взгляды, которые она терпела с детства, почувствовала, что глаза увлажнились от заботливого взгляда Цюй Ляня. — Просто кожа сгорела... выглядит ужасно. Мисс Хань испугалась, и это нормально, я не виню ее.

— У меня тоже много шрамов, но я мужчина, так что это не так важно. Сяовань, если тебя это беспокоит, в Зале Весенних Трав наверняка есть лекарства, которые могут помочь избавиться от шрамов.

Это были не просто шрамы. В детстве она обожгла кожу, а в четырнадцать лет даже вырезала поврежденные участки, пытаясь восстановить их с помощью лекарств... но в итоге все равно остались неровности и уродства. Эти темные времена были слишком тяжелыми, и Фан Сяовань содрогалась при воспоминаниях.

— Хм, — Фан Сяовань уперла руки в бока. — Я такая, какая есть, и не хочу тратить столько денег и усилий, чтобы угодить другим. Если все в этом мире, мужчины и женщины, судят по внешности, то, думаю, это не имеет смысла. Те, кто стоит того, чтобы с ними дружить, не станут меня отвергать из-за моего лица, правда?

Цзян Лань не сдержался и захлопал в ладоши:

— Какая смелость! А ты считаешь, что мы достойны дружбы? Мы же уже прошли через огонь и воду, так что давай будем откровенны.

Он, обычно не такой бестактный, на этот раз почему-то не мог сдержать любопытства. На самом деле ему не было так уж важно увидеть лицо Фан Сяовань, но он знал, что, хотя она говорила, что не против, в глубине души ей было тяжело, и он хотел как-то помочь.

Фан Сяовань не ожидала такой наглости, нахмутив брови, она сердито смотрела на него.

Наконец, она, словно решившись на отчаянный шаг, топнула ногой:

— Хорошо, я вас напугаю до смерти.

Не успела она закончить, как резко развязала ленту, и нефритовая маска с грохотом упала на стол. Она скорчила рожицу и с криком бросилась к Цзян Ланю:

— Ну как? Страшно?

В тот момент Цзян Лань действительно почувствовал, как у него по спине побежали мурашки, потому что травма Фан Сяовань была куда страшнее, чем они могли представить.

В отличие от ее другой, нежной половины лица, левая сторона была покрыта багрово-красными шрамами, кожа неровная, как грязная дорога после дождя, словно что-то скрывалось под этой изуродованной поверхностью...

Авторский комментарий: Чувствую, что слишком много спойлеров...

<http://bllate.org/book/16248/1461558>